

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.11-112

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ОТ ЭТИМОЛОГИИ К ПРАГМАТИКЕ

А.А. Балакина

Аннотация. Определяются роль предмодальной семантики в процессе грамматикализации и в формировании функционально-семантических особенностей лексем, выполняющих модальную функцию, их когнитивная и историко-культурная детерминация.

Ключевые слова: модальные глаголы; предмодальная семантика; грамматикализация.

Категория модальности – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, различные виды субъективной квалификации сообщаемого. Нас интересует субъективная модальность, которая в естественных языках фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять «я» и «не-я» в рамках высказывания (Ш. Балли, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др.).

Модальность, рассматриваемая в настоящее время как комплексная и многоаспектная категория, демонстрирует активное взаимодействие с целой системой других функционально-семантических категорий языка и тесную связь с категориями прагматического уровня. Это обуславливает преимущества сравнительно-исторического и сопоставительного подходов к анализу языковых фактов как основе для когнитивно-историко-культурной их интерпретации.

В немецком языке категория модальности представлена не только морфологически (системой наклонений, главным образом оптативом), но и широким кругом периферийных средств (лексико-грамматическими средствами выражения возможности, желательности, необходимости).

Специфика немецкого языка заключается в том, что среди лексико-грамматических средств выражения модальности есть специальная группа модальных глаголов и система наклонений, которые в сочетании с разнообразными неграмматизированными лексико-синтаксическими словосочетаниями аналитического характера со служебными (полувспомогательными) глаголами модальности создают индивидуальную стилистическую дифференциацию модальных отношений.

По сравнению с более отвлеченным по своему значению флективным оптаивом модальные конструкции с глаголами позволяют выразить более дифференцированным образом всевозможные оттенки личного мнения в силу того, что они сохраняют лексически дифференцированные различия модальных значений. В результате абстрагирования лексического содержания и частичной грамматизации словосочетания этого типа получают в позднейшей истории немецкого языка всё большее развитие как одна из его характерных лексико-грамматических особенностей. Благодаря наличию подобных конструкций с глаголами модальность из категории грамматической превращается в современном немецком языке в категорию стилистическую, что вполне соответствует природе оптаива как субъективного наклонения [1. С. 297–298].

В немецком языке модальными традиционно считаются глаголы *sollen*, *müssen*, *wollen*, *mögen*, *können*, *dürfen*. Морфологическим признаком данной группы глаголов является их претерито-презентность, т.е. в качестве настоящего времени у них выступает форма сильного претерита. Модальные глаголы выражают основные принятые в логике модальные значения возможности, желательности, долженствования. Это единственный случай в индоевропейских языках, когда модальные глаголы образуют четко ограниченный морфологический класс. Исследователи категории модальности бесспорно включают рассматриваемые нами модальные глаголы в сферу модальности (Жирмунский, 1965; Адмони, 1973 и др.).

Эта лексико-грамматическая группа интересна и с точки зрения ее участия в процессе грамматикализации. Существуют многочисленные работы по теории грамматикализации (К. Леман, Б. Хайне, Д. Байби, Т. Гивон, В.А. Плунгян, Т.А. Майсак, петербургская типологическая школа и др.), одной из ключевых проблем которой, как известно, является поиск возможных лексических источников грамматических показателей [2. С. 25–30]. Такая постановка задачи некоторым образом вовлекает лексику в круг явлений, системная природа которых считается доказанной, но, несмотря на большое количество интересных фактов, касающихся организации отдельных фрагментов лексических систем в разных языках и их диахронической эволюции (Хайне, Кутева, 2002), в работах по теории грамматикализации обычно представлен взгляд на лексику через призму грамматики. В них отобрана только «интересная» для грамматики лексика (части тела, базовые глаголы движения, бытия и обладания и т.п.); что касается лексических единиц как таковых – тем более системных – и типологически релевантных отношений между ними, то они, как правило, предметом специального исследования не становятся [2. С. 25–30].

С точки зрения лексической семантики глаголы могут быть поделены на сохранившие первичное значение (таковы глаголы со значением ‘идти’, ‘есть’, ‘сидеть’, ‘стоять’) и на глаголы с очевидно вторичным,

производным значением: таким, например, для всех индоевропейских языков будет значение ‘иметь’, которое для праиндоевропейского языка вообще не восстанавливается. Могла ли возникнуть смена лексического значения без влияния грамматической семантики? Это сомнительно: ‘схватил’ в прошлом может дать в настоящем времени значение результата данного действия, что в настоящем очевидным образом даст значение ‘держит’, ‘владеет’. Как представляется, только детальное описание лексической семантики (учитывающей и контекстуальное значение, отражающее функциональные особенности конкретных глагольных форм), подробное рассмотрение синтаксических особенностей, а также взаимодействия семантики модальных глаголов с другими категориями (наклонением, временем) способны дать ответ на вопрос об изменениях глагольного значения [3. С. 110]. Формирование класса модальных глаголов происходит одновременно с перестройкой всей системы наклонений. Категориальные значения, выражавшиеся первоначально на грамматическом уровне формами морфологической категории, переходят к лексико-грамматическим средствам. Это дает возможность выражать значения модальности более дифференцированно [4. С. 6].

Мы ставим своей задачей определение степени обусловленности функционально-грамматического становления лексических средств выражения модальности их предграмматической семантикой, поэтому рассматриваем грамматикализацию, с одной стороны, как процесс «обобщения, абстрагирования слова или предложения от конкретного лексического содержания», с другой стороны, пытаемся определить предграмматическую специфику формы и содержания. Неслучайность функционально-грамматической трансформации лексических единиц отмечал еще Б. Хайне (1991), один из наиболее авторитетных исследователей процесса грамматикализации, говоря, что грамматикализация есть «прежде всего семантический процесс», в основе которого лежит свойство человека использовать языковые формы с конкретным и «легко доступным» значением для выражения менее конкретных и менее «легко доступных» понятий [2. С. 39].

1. **Модальность необходимости.** Значения необходимости, возможности, желательности отражаются в языке посредством указаний на отношения между предметом (субъектом) и его действием, содержащихся в предложении. Условия, определяющие тип связи субъекта и действия, могут быть двоякими: с одной стороны, не зависящими от субъекта, находящимися вне сферы его «влияния», а с другой – напротив, непосредственно связанными с соответствующими качествами самого субъекта. Исходя из этого разграничиваем объективные и субъективные виды необходимости, возможности, желательности.

Применительно к объективной необходимости выделяем в качестве основных следующие значения: (не) иметь необходимость выполнить

действие в связи с наличием: 1) просьбы, приказа другого лица или коллектива; 2) каких-либо внешних по отношению к субъекту обстоятельств; 3) законов юридического или морально-нравственного характера. Субъективная необходимость реализуется в следующих значениях: (не) иметь необходимость выполнить действие в связи: 1) с осознанием субъектом своего внутреннего долга; 2) наличием внутренней потребности.

В современном немецком языке модальность необходимости выражается в основном с помощью модальных глаголов *sollen* и *müssen*. Современный глагол *sollen* 'быть должным, обязанным' имеет однородную семантику: он выражает значение необходимости, обусловленной внеположенными по отношению к субъекту явлениями (объективная необходимость). В отличие от семантически однородного глагола *sollen*, семантическая структура глагола *müssen* в современном немецком языке неоднородна. С одной стороны, он выражает значение внутренней (субъективной) необходимости – значение долженствования как осознание субъектом своего долга или как внутреннее побуждение; значение необходимости, обусловленной наличием потребности, желания. С другой стороны, он выражает значение объективной необходимости, зависящей от внешнего императива, обстоятельств, закономерностей [5].

Когда и как сформировалась семантическая однородность *sollen* и разнородность *müssen*, полагаем, показывает историко-этимологический анализ этих глаголов.

В древневерхненемецкий (др.-в.-нем.) период глагол *sollen* выражал значение 'быть должным', глагол *muozan* (совр. *müssen*) был многозначным: 'быть в состоянии, мочь', 'иметь возможность', 'обладать свободой', 'не быть ограниченным чем-л., не иметь препятствия', 'иметь пространство' [6. С. 590].

Историко-этимологические словари позволяют установить, что германские эквиваленты др.-в.-нем. глагола *s(k)ulan* имели значение 'быть должным, быть вынужденным'. Отглагольное имя широко известно в древнегерманских языках не только в значении 'долг', но и 'вина': др.-гот. *skula* 'должник', *skuldo* 'долг'; др.-исл. *skuld*, *skyld*, др.-англ. *scyld*, др.-фриз. *skelde*, др.-сакс. *skuld*, др.-в.-нем. *sculd(a)* 'долг, вина', ср. совр. англ. *should* 'должный'; нем. *Schuld* 'долг, обязательство, вина' [7. С. 12–15]. Общегерманская форма **skul-* продолжает в нулевой ступени огласовки индоевропейский корень **(s)kel-*, надежно засвидетельствованный своими производными в балтийских языках в значении 'быть должным, виноватым' [8. Т. 2].

Балто-германская изоглосса сопоставима с точки зрения семантической типологии со славянскими производными от **vin-* (*повинность* 'обязанность' и *вина*): у германских соответствий значение 'долг' соседствует с 'виной' ('быть должным' как 'быть виноватым'). Существова-

ние семантической модели 'вина' → 'долг, обязанность' в балто-славяно-германском ареале, модели, представленной явно исконной лексикой, свидетельствует о становлении понятия долга в условиях неразвитых денежных отношений и общинной/племенной собственности, когда обязательства, долг возникали как следствие проступка, причинения серьезного ущерба, а взаимообразное получение вещи не требовало жесткой регламентации [9. С. 196–197]. То есть употребление немецкого глагола *sollen* уже в ранних письменных памятниках немецкого языка в значении внешней необходимости обусловлено исходной внутренней формой.

В семантической структуре глагола *müssen* пересекаются значения внешнего и внутреннего принуждения. Неслучайность данного пересечения становится более ясной в ходе историко-этимологического анализа. Генетически родственная лексика др.-в.-нем. глагола *muozan* 'быть в состоянии что-л. делать, прийти в какое-л. состояние' представлена в других германских языках: др.-англ. *mōtan* 'мочь, быть в состоянии что-л. делать', 'быть должным', ср. англ. *must* 'быть обязанным или связанным обязательным для выполнения требованием', 'иметь потребность или желание сделать что-то'; др.-фриз. *mōtan*, др.-сакс. *mōtan*, др.-сев. *mōten* 'свободно располагать пространством, временем, возможностями, силой'. Однокорневая лексика германских и других индоевропейских (и.-е.) языков восходит, как однозначно показывает этимологическая литература, к и.-е. **med-* 'измерять': гот. *mitan* 'мерить', *miton* 'измерять, обдумывать, полагать', *mitons* 'помыслы, помышление, мысль'; др.-англ. *metan* 'мерить'; нем. *messen* 'мерить'; исл. *met* 'весы', *meta* 'оценивать', *metast* 'спорить'; др.-инд. *masti-* 'измерение', 'взвешивание'; лат. *meditor* 'размышляю'; др.-ирл. *midiaur* 'размышляю', 'сужу' [8. Т. 2]. В западногерманском ареале однокорневые образования сохраняют значение, предполагаемое для индоевропейского времени ('мерить, измерять, обдумывать, полагать'), претерпевая также дальнейшее изменение, которое, вероятно, можно истолковать как *(со)измерять (действия), исходя из внешних обстоятельств и собственных возможностей' (ср. гот. *ga-mot* 'имеет место' ('иметь место' ~ 'быть в наличии, иметься'), нем. *Musse* (f) 'досуг, свободное время', *Muss* (n) 'необходимость'). То есть 'мочь' – результат осмысления субъектом своих возможностей и оценивание им сопровождающих выполнение действия внешних обстоятельств [10. С. 16–19].

Таким образом, направление семантического развития глагола *müssen* можно представить так: 'соизмеряя (действия), располагать возможностями (собственными, внутренними и внешними)' → 'быть в состоянии что-л. делать' → 'иметь возможность', 'иметь необходимость'. Окончательно модальное значение долженствования как внутреннего долга (*müssen*) и как результат давления внешних обстоятельств (*sollen*) закрепилось в конце средневерхненемецкого периода [10. С. 16–19].

2. **Модальность желательности.** Структура современного глагола *wollen* достаточно однородна – выражает разные аспекты желательности. Многозначный же глагол *mögen* в современном немецком языке связан с выражением желания субъекта ('любить', 'желать', 'иметь просьбу'); выражает пожелание, предостережение, угрозу), а также с выражением семантики возможности (допущение какой-л. возможности, неуверенное предположение; 'мочь, быть в состоянии', 'мочь, иметь разрешение', 'быть сильным' (ю.-нем.)). При рассмотрении семантической структуры глагола *mögen* на современном этапе развития немецкого языка видим, что значение модальности желательности преобладает, в значении модальности возможности данный глагол употребляется редко. Для передачи значения возможности используется в основном производный от *mögen* глагол *vermögen* [11. С. 38–44].

Обращение к истории и этимологии показывает, что на протяжении всего периода от общегерманского и древневерхненемецкого до современного немецкого языка функционально-семантической устойчивостью обладает глагол *wollen* 'хотеть'. В ходе рассмотрения генетически близкой лексики из других индоевропейских языков было выявлено, что значение, реконструируемое для прагерманского, было этимологическим для *wollen*: лат. *volo, velle* 'хотеть', 'желать', 'полагать', 'изъявлять', 'постановлять', 'выражать волю', 'иметь намерение'; лит. *vėlmi, vėlti* 'желать', 'хотеть', 'разрешать'; ст.-слав. *велети, волити* 'приказывать', 'желать'; др.-инд. *vṛnāti* 'выбирать', 'предпочитать', 'желать', 'любить', *vāga* 'выбор', 'желание' 'жажда (чего-л.)' как продолжения и.-е. **uel-* **uo-* 'хотеть', 'желать', 'выбирать' [11. С. 38–44].

В отличие от *wollen*, семантическая структура глагола *mögen* претерпела изменения. В древневерхненемецкий период рассматриваемый глагол известен в формах *magan* (VIII в.) и *magan* (IX в.) в значении 'мочь', 'желать'. Достоверные и надежные соответствия германским языкам (гот. *mag, magan* 'мочь'; др.-сакс. *magan* 'быть в состоянии'; ср.-н.-нем. *mögen*, др.-исл. *mōghen, meughen, mega* 'мочь, быть в состоянии'; др.-англ. *mæg, magan*, ср.-англ. *towen*, совр. *may, mäht, meht* (совр. *might*), др.-сев. швед. *må* 'мочь') представлены в славянских и балтийских языках. По формальным особенностям (огласовка корня, наличие одной словообразовательной модели производного существительного) германским рефлексам ближе славянские (др.-рус. *мочи (мощи), могу*; укр. *могти́, мѳжу*; с.-хорв. *mōći* 'мочь, быть в состоянии, иметь силу, власть' и др.), а по семантической структуре – балтийские эквиваленты (лит. *mėgti* 'быть расположенным к кому-л.', 'любить', *magùs* 'привлекательный, желаемый'; лтш. *mēgt* 'быть в состоянии, мочь, ухаживать'; лит. *magėti* 'нравиться, быть приятным' и др.). Этот круг германо-балто-славянской лексики и предполагаемые однокорневые образования в

некоторых других индоевропейских языках (др.-инд. *maghá-* ‘сила, богатство, дар’, *Maghaván* – эпитет бога Индры (‘могущественный’) и др.) считаются продолжением и.-е. **magh-* ‘мочь’, ‘быть в состоянии’, ‘быть в силе’. Индоевропейские соответствия демонстрируют взаимодействие в их семантической структуре значений ‘мочь’ и ‘помогать’: др.-ирл. *tug* ‘мальчик, помощник, слуга’ и еще ‘средство, способ помочь’.

Таким образом, обращение к внешним генетическим связям показывает, что родственная лексика в славянских и некоторых других индоевропейских языках связана только с выражением значения возможности. Значение ‘мочь’ было унаследовано древнегерманскими языками из общего праязыка, т.е. значение рассматриваемого глагола в германских языках имеет очень древние, индоевропейские корни. Семантически близкие и однокорневые образования в балтийских языках говорят о наличии балто-германской изоглоссы, одинакового пути семантического развития: из значения ‘мочь’ → ‘желать’. Кроме того, сравнение глагола *mögen* с его германскими эквивалентами показало, что все они имеют однородную семантику – ‘мочь, быть в состоянии’, т.е. взаимодействие значений ‘желать’ и ‘мочь’ в древневерхненемецком языке – инновационное явление. Сосуществование в семантической структуре глагола *mögen* уже с конца древневерхненемецкого периода значения модальности желательности и возможности свидетельствует об иной модели формирования семантики глагола: ‘мочь’ → ‘хотеть, желать’ (‘желать, хотеть то (того), что можешь’). Так постепенно, со средневерхненемецкого периода, значение возможности у глагола *mögen* становится периферийным, но оно сохранилось в однокорневых словах *möglich* (‘возможный’), *Möglichkeit* (‘возможность’), *Macht* (‘сила’), *vermögen* (‘мочь’) [12. С. 175–179].

3. Модальность возможности. Рассматривая возможность с точки зрения отношений между субъектом и его действием, разграничиваем возможность объективную и субъективную. Объективная возможность предполагает наличие условий, не зависящих от воли человека: 1) (не) иметь возможность выполнять действие в связи с наличием / отсутствием каких-либо внешних по отношению к субъекту обстоятельств; 2) (не) иметь право для выполнения действия в связи с наличием / отсутствием законов юридического или морально-нравственного характера. Субъективная возможность характеризуется тем, что она зависит от условий, тесно связанных с волей человека: 1) (не) быть в состоянии выполнить действие в силу физического или психического состояния субъекта; 2) (не) иметь способность выполнить действие в силу наличия / отсутствия у субъекта соответствующих навыков, умений, знаний и т.п. [13. С. 36–37].

В современном немецком языке семантическая структура глагола *können* однородна – передает разные оттенки значения возможности (‘мочь’, ‘уметь’, ‘сметь’). Данный глагол как экспликатор значения воз-

возможности в его наиболее обобщенном виде сохраняет способность передавать частные значения и субъективной, и объективной возможности. В семантической же структуре современного глагола *dürfen* сосуществуют модально разнородные значения субъективно-объективной возможности и субъективной необходимости ('мочь, имея разрешение' и 'нуждаться в чем-л.') [14. С. 5–7].

Исторический анализ показал, что в древневерхненемецкий период глагол *können* выражал значение субъективной возможности ('зная мочь', глагол *dürfen* – значение субъективно-объективного варианта модальности необходимости ('нуждаться, иметь необходимость'), т.е. данные глаголы входили в разные семантические поля модальности.

Рассмотрение генетических связей глагола *können* в других германских языках (гот. *kunpan* 'знать'; др.-сев. *kunna* 'знать, мочь'; др.-сакс. *kunpan* 'знать, мочь'; др.-анг. *cunpan* 'знать, мочь' и др.), а также сравнение германских языковых фактов с их индоевропейскими эквивалентами (лат. *(g)nōscere* 'знакомиться, познавать', 'узнавать, опознавать'; др.-инд. *jānāti* 'он знает, понимает'; тох. *knā-* 'знать, познавать'; лит. *žinoti* 'узнавать', 'знать'; слав. **znati*, рус. *знать*) дает основание предположить, что уже на общегерманском уровне формировался семантический переход: 'знать, уметь' → 'мочь'. Этот факт позволяет сделать вывод, что в древневерхненемецкий период основное значение модального глагола *können* 'знать' было и этимологическим, исходным, а значение 'мочь' развилось из 'знать', но семантический переход 'знать' в 'уметь', 'мочь' известен еще на общегерманском уровне.

При сравнении глагола *dürfen* с родственной лексикой в германских языках обращает на себя внимание однородность их семантики – только семантический круг 'нужда/нужно': гот. *þarbs* 'нужный, потребный, нуждающийся', *þarba* 'нужда, недостаток', *gaþarban* 'терпеть нужду, недостаток, быть лишенным чего-л.', *þairgan* 'нуждаться'; др.-англ. *þearfan* 'терпеть нужду, недостаток, быть лишенным чего-л.' [8. С. 255]. Родственная лексика глагола *dürfen* в германских языках образует общую семантическую изоглоссу со славянскими, представляя одинаковый результат развития семантики (ср. рус. *требовать (требуется)* 'настоячиво добиваться чего-л.', 'строго, в категорической форме просить о чем-л., не допуская отказа' и *потребность* 'необходимость, надобность, нужда в чем-либо'; укр. *требувати, треба* 'нужно', 'требуется'; болг. *тréба* 'треба, общественное дело'; с.-хорв. *тријéба* 'нужно'; пол. *trzeba* 'нужно, необходимо' и др.) [14. С. 5–7].

Эта лексика, представленная в германском и славянском ареале, имеет индоевропейские истоки и производна от и.-е. основы **terb/p-* 'чистить, очищать', 'наслаждаться', вероятно, являющейся расширением корня **ter-* 'тереть, перетирать', ср. греч. *τριβω* 'растираю', 'уничтожаю', 'мучаю', *τέρω* 'насыщаю, радую'; лат. *tero, trīvi* 'тру, растер', *trībulo* 'да-

вить'; др.-инд. *tárpāti* 'насыщается'; ср.-ирл. *trebaid* 'паштет'; рус. *теребить*; укр. *теребити* 'теребить', 'очищать'; болг. *требя* 'чищу', 'привожу в порядок'; с.-хорв. *тријèбити* 'чистить'; пол. *trzebić* 'чистить' и др. [15. С. 259].

Вероятно, семантическое развитие в рассматриваемом этимологическом гнезде можно представить, с одной стороны, как обозначение конкретного трудового процесса – 'чистить, тереть/давить (зерно)' → 'нечто перетертое' → 'насыщаться, наслаждаться', с другой – как метафорический перенос – 'тереть' → 'терзать, мучить' → 'требовать(ся)' → 'требуется, нужно, нужно'; то, что 'теребит, мучает', то и 'хочется, требуется'. Как видим, общая славяно-германская семантическая изоглосса возникла на основе вторичного (переносного) значения ('терпеть нужду' ~ 'иметь потребность в чем-то'). Нужда была связана, прежде всего, с удовлетворением насущных, жизненно необходимых потребностей (потребности в проживании, пропитании, ср. греч. *τέρω* 'насыщаю, радую'; др.-инд. *tárpāti* 'насыщается'): насыщение, радость как результат удовлетворения потребности [14. С. 5–7].

В средневерхненемецкий период этимологический компонент семантики глагола *können* «стирается» ('(зная) мочь'), и он приобретает значение субъективно-объективной возможности. Глагол *dürfen* как модальный глагол в значении 'мочь, имея моральное право, право по объективному закону или разрешение' был зафиксирован в средневерхненемецкий период в отрицательных конструкциях. Закрепление за глаголом *dürfen* данной семантики обусловлено взаимодействием грамматики и лексического значения [14. С. 5–7]. Что касается употребления данного глагола в отрицательных конструкциях, то, согласно утверждению германиста Г. Беха [16], в основе модального значения глагола *thurfan* лежит модальный признак 'notwendig' 'необходимый', и семантическое развитие глагола *dürfen* – переход от значения 'notwendig sein' 'быть необходимым' к значению 'möglich sein' 'быть возможным'. Это изменение от 'быть необходимым' в 'быть возможным' наблюдалось в отрицательных конструкциях, а именно в связи с перестановкой *negatio obliqua* (косвенного отрицания) и *negatio recta* (прямого отрицания). Иными словами, изначально глагол *dürfen* употреблялся только с отрицанием, а в результате влияния *negatio obliqua* стал употребляться без отрицания, но смысл самого предложения при этом не менялся – предложение оставалось отрицательным. То есть если раньше отрицание ставилось с глаголом, то теперь с отрицанием употреблялся другой член предложения ('notwendig, dass nicht...' 'нужно, чтобы не...' → 'nicht notwendig, dass' 'не нужно, чтобы...'), и именно в таких контекстах осуществлялся переход от значения необходимости в значение возможности [16. С. 14]. На изменение семантики глагола *dürfen*, кроме употребления в отрицательных

конструкциях, значительное влияние оказало смешение с претерито-презентным глаголом *türren* ‘сметь, осмеливаться, отваживаться’ (на основе фонетического и семантического сходства *thurfan* (*dürfen*) и *durran* (*türren/türren* ‘сметь’): *Ni tharf man thaz ouh rédinon* [...] – *Здесь не нужно разговаривать. Ni gidúrrun sies biginnan sie éigen se uberwúnnan* – *Они не смеют начинать бороться* [17. С. 353–354].

Историко-этимологический анализ позволяет дать оценку модальных глаголов с точки зрения «исторической глубины» их формы и значения, формирования собственно предмодальной семантики.

Модальность необходимости. Среди лексических средств выражения модальности необходимости наибольшая временная глубина обнаруживается у глагола *sollen*, который значение необходимости демонстрирует еще на прагерманском уровне развития языка. Данный глагол исторически является частью балто-германской формально-семантической изоглоссы, вероятно, как следствие древнего тесного культурного взаимодействия (‘быть виноватым’ → ‘быть должным’). Лексическая семантика глагола *müssen* сформировалась в общегерманский период. Общегерманским регионализмом выглядит предполагаемая модель формирования семантики данного глагола: ‘быть в состоянии что-л. делать’ и позднее реализовавшееся как ‘иметь возможность / необходимость’ → ‘мочь’, ‘быть должным’.

Становление предмодального значения глаголов *sollen* ‘быть должным (материально / морально)’ и *müssen* ‘мочь’ происходит в древневерхненемецкий период. Значение необходимости окончательно закрепились за данными глаголами в средневерхненемецкий период.

Модальность желательности. Среди экспликаторов модальности желательности самые глубокие исторические корни у глагола *wollen* ‘хотеть’. Лексическая семантика данного глагола сформировалась на индоевропейском уровне и сохранилась в германских языках. Древневерхненемецкой семантической инновацией является предполагаемая модель формирования семантики глагола *mögen*: ‘мочь’ → ‘желать’ (при том что эта же модель явно просматривается в балтийском материале).

Модальность возможности. Лексическое значение глагола *können* является результатом общегерманской семантической инновации ‘знать’ → ‘мочь’. Глагол *dürfen* в значении ‘нуждаться, быть должным’ исторически представляет собой общегерманский континуант, имеющий генетические связи в славянских языках (общая славяно-германская семантическая изоглосса: ‘испытывать внутренние терзания’ ~ ‘терпеть нужду в чем-то’ ~ ‘иметь потребность в чем-то’).

Предмодальная семантика лексических средств выражения модальности возможности (глаголов *können* ‘мочь’ и *dürfen* ‘нуждаться’, ‘мочь’) окончательно сформировалась в конце древневерхненемецкого – начале средневерхненемецкого периода.

Таким образом, с точки зрения исторической глубины формирования предмодальной семантики модальных глаголов наибольшая (индоевропейская) глубина у глагола, выражающего модальность желательности: семантика глагола *wollen* унаследована с индоевропейского периода. Древнеевропейскими регионализмами выглядят глаголы *sollen* (балто-германская лексико-семантическая изоглосса) и *dürfen* (славяно-германская лексико-семантическая изоглосса) ‘нуждаться’, ‘быть должным’. Результатом общегерманской семантической инновации является глагол *können* ‘знать, мочь’, западногерманской – глагол *müssen* ‘быть должным’, древневерхненемецкой – глагол *mögen* ‘мочь’, ‘желать’.

Обращение не только к истории, но и этимологии, предполагающей процедуру внешней и внутренней реконструкции, позволяет увидеть динамику семантического развития, подвижность границ между видами модальности. Как исторические изменения в семантике отразились на прагматических особенностях модальных глаголов? Насколько однородность / разнородность модальной структуры современных модальных глаголов объясняется предмодальной семантикой рассматриваемых глаголов?

Модальность необходимости. В исторической перспективе по нарастающей идет, с одной стороны, взаимодействие и взаимопроникновение объективного и субъективного видов модальности необходимости, с другой – к средневерхненемецкому периоду усиливаются средства представления деонтической модальности.

Глаголы *sollen* и *müssen* представляют в современном немецком языке объективно-субъективную необходимость (*müssen*: субъективно-объективная возможность → субъективно-объективная необходимость; *sollen*: субъективно-объективная необходимость → объективная необходимость).

То есть однородная семантическая структура современного глагола *sollen* (объективная необходимость) объясняется его предмодальной семантикой: ‘быть виновным’ вследствие чужой воли, внешних обстоятельств, морально-этических норм → ‘быть должным’ (как компенсация проступка). Иными словами, этимологический потенциал глагола *sollen* не предполагал развитие субъективного вида модальности необходимости, значения ‘быть должным’ как следствия внутренней потребности субъекта.

Неоднородная семантическая структура современного глагола *müssen* (значения субъективного и объективного видов необходимости) также имеет историческое обоснование: ‘соизмеряя (действия), располагать возможностями (внутренними и внешними)’ → ‘иметь возможность’, ‘иметь необходимость’. Субъект действовал исходя из своих внутренних возможностей и внешних обстоятельств. Закрепление за глаголом *müssen*

семантики необходимости происходит в конце древневерхненемецкого – начале средневерхненемецкого периода в отрицательных конструкциях.

Модальность желательности. Исторической устойчивостью семантической структуры (с индоевропейской эпохи) обладает глагол *wollen* ‘хотеть’ (его современное значение является этимологическим): субъективная желательность → субъективная желательность. Модель формирования семантики глагола *mögen* демонстрирует наличие и взаимодействие в истории немецкого языка значений модальности возможности и желательности: субъективно-объективная возможность → субъективная желательность (‘мочь’ → ‘желать’).

Таким образом, однородность семантики современного *wollen* (субъективная желательность) можно объяснить его предмодальным значением: значение субъективной желательности ‘хотеть’ данный глагол сохранил на протяжении всего периода (от общегерманского и древневерхненемецкого до современного немецкого языка).

Разнородная семантическая структура современного глагола *mögen* (субъективно-объективная возможность и субъективная желательность) является следствием влияния его предмодальной семантики: уже с древневерхненемецкого периода данный глагол был связан с выражением разнородных значений ‘мочь’ и ‘желать’, причем переход из значения возможности в значение желательности происходил в отрицательных конструкциях.

Модальность возможности. В семантической структуре глагола *können* происходит расширение исходного значения ‘мочь, зная’, и он приобретает значение субъективно-объективной возможности: субъективная возможность → субъективно-объективная возможность. Глагол *dürfen*, исходно обозначая внутреннюю (физиологическую) потребность субъекта, становится языковым знаком выражения объективного вида модальности возможности: субъективная необходимость → субъективно-объективная возможность.

То есть однородная семантика современного глагола *können* (субъективно-объективная возможность) объясняется влиянием его предмодальной семантики: значение ‘знать’ обусловило развитие у данного глагола уже на древневерхненемецком уровне значения возможности ‘мочь’.

Почему современный глагол *dürfen* имеет модально разнородные значения (субъективно-объективная возможность и субъективная необходимость), становится ясно после обращения к его предмодальной семантике: древневерхненемецкое значение ‘терпеть нужду в чем-то’ способствовало формированию у *dürfen* значения субъективной необходимости ‘нуждаться, быть должным’, а употребление глагола в данном значении в отрицательных конструкциях обусловило развитие значения возможности.

После рассмотрения функционально-семантической динамики модальных глаголов перейдем к их общей историко-культурной оценке.

В древневерхненемецкий период семантику *необходимости* несли два глагола: *thurfan* (совр. *dürfen*) и *sculan* (совр. *sollen*). Глагол *thurfan* уже в средневерхненемецкий период стал выражать значение субъективно-объективной возможности ('мочь, имея разрешение'), а значение субъективной необходимости ушло на периферию. К тому же в средневерхненемецкий период в значении субъективно-объективной необходимости стал употребляться глагол *müssen*, который имел в древневерхненемецкий период значение субъективно-объективной возможности. То есть основными средствами выражения значения необходимости в средневерхненемецкий период стали глаголы, несущие семантику не субъективной (*dürfen*), а субъективно-объективной необходимости (*sollen, müssen*).

В древневерхненемецкий период значение *возможности* выражали три глагола: *mugan* (совр. *mögen*), *kunnan* (совр. *können*), *muozan* (совр. *müssen*). Глагол *mugan* имел в древневерхненемецкий период значение субъективно-объективной возможности ('мочь (физически)'). Только в конце древневерхненемецкого – начале средневерхненемецкого периода глагол *mögen* получил значение *желательности* в отрицательных конструкциях: в основе значения желания лежит именно значение физической непереносимости ('не мочь (съесть, проглотить)'), 'не переносить (на вкус)' значит 'не желать, не хотеть'. То есть в средневерхненемецкий период именно значение желания, а не субъективно-объективной возможности закрепилось за глаголом *mögen*. Значение же возможности сохранилось за производным глаголом *vermögen*.

Основным средством выражения модальности возможности становится глагол *können*, обозначавший в древневерхненемецкий период интеллектуальную способность, возможность ('знать' – значит 'мочь'). В средневерхненемецкий период сфера употребления данного глагола расширяется: он стал выражать не только возможность интеллектуальную, но и физическую. В современном немецком языке глагол *können* стилистически нейтрален и является ядерным средством выражения возможности.

Таким образом, глаголы, передающие значение возможности исходя из субъективной оценки сил и возможностей, ушли в средневерхненемецкий период на периферию (*mögen, müssen*). Основными же средствами выражения значения возможности стали глагол *können*, ранее несущий семантику интеллектуальных возможностей, и глагол *dürfen*, обозначающий возможность, обусловленную внешними обстоятельствами ('мочь, имея разрешение').

Становление предмодальной семантики наблюдается в конце древневерхненемецкого – начале средневерхненемецкого периода. В этот

период времени человек мыслился как раб Божий. Служение Богу не унижает, а напротив, возвышает и спасает человека. Но служение требует смирения, подавления личных склонностей, противоречащих ригористичным идеалам христианства. Это объясняет, почему основными средствами выражения значения необходимости в средневерхненемецкий период стали глаголы, несущие семантику не субъективной (*dürfen*), а субъективно-объективной необходимости (*sollen, müssen*). В эпоху Средневековья наблюдается обращение семантики долженствования в сферу морально-этическую. Христианское понимание морального долга придавало самому бытию подлинную этическую направленность. Согласно христианским представлениям человек должен строго подчиняться этическим законам, канонам, предписаниям, что, возможно, и способствовало развитию у глагола *sollen* значения внешней необходимости. Определенный склад мышления (христианское мировоззрение) предполагал понимание долга и как внутреннего нравственного мерила, поэтому в семантической структуре глагола *müssen* произошел семантический сдвиг: '(соизмеряя) располагать возможностями' → 'иметь возможность', 'иметь необходимость'.

Свобода воли, провозглашаемая христианством, оборачивается заповедью избегать всего, что может помешать спасению души. И хотя теологи подчеркивали, что личность человеческая представляет собой единство души и тела, все заботы христианина должны были направляться на первый компонент его личности, даже к явному ущербу второго. Ибо душа и тело пребывают в разных измерениях – душа принадлежит вечности, а тело подвержено порче времени. Вероятно, поэтому в средневерхненемецкий период именно значение желания (духовной возможности), а не физической возможности закрепилось за глаголом *mögen* [18. С. 247–250].

Однако не одному христианскому учению обязана личность средневекового человека своей специфичностью и исторической ограниченностью. Подобно христианскому символизму, христианский «персонализм» оказался во многом соответствующим степени развития человеческой личности в средневековой Европе. Выйдя из стадии «родовой личности» эпохи варварства, люди феодального общества включились в новые коллективы, подчинявшие их себе не только материально и политически, но и социально-психологически. Человек в феодальном обществе – сословная личность. В той или иной степени он ищет интеграции в группу, к которой принадлежит, принимая ее стандарты жизни, идеалы и ценности, навыки мышления, формы поведения и присущий им символизм. Категории средневековой «модели мира» наряду с многими другими представлениями и понятиями образовывали ту форму, которая служила для «отливки» человеческой индивидуальности, разумеется,

всякий раз социально определенной. Человеку редко приходилось действовать вполне индивидуально. Группа, к которой он принадлежал, постоянно присутствовала в его сознании. Поступать противно групповым целям и нормам значило вести себя предосудительно. Данное восприятие мира средневековым человеком, возможно, обуславливает тот факт, что основными средствами выражения значения возможности стали глагол *können*, несущий семантику интеллектуальных возможностей, и глагол *dürfen*, обозначающий субъективно-объективную возможность ('мочь, имея разрешение'): в совершении действия человек в большей степени руководствуется не внутренней (личной) потребностью, а тем, санкционирована ли эта потребность социальными нормами [18. С. 247–250].

Диахроническое исследование позволило выявить глубокие языковые и историко-культурные корни становления категории предметной модальности, взаимодействие ее основных смысловых видов (модальности возможности, необходимости, желательности) в истории немецкого языка и объяснить особенности становления модальных глаголов в современном немецком языке.

Предварительное исследование на материале истории немецкого языка показало значительную перестройку в структуре концептуальной сферы «возможное – желаемое – должное». Как видим, формирование современной системы модальных глаголов шло в конце древневерхненемецкого – начале средневерхненемецкого периода. Та картина, которую мы наблюдаем в этот период времени, является результатом глубочайших изменений в мировоззрении людей и важных по своему значению процессов социального развития. Данные изменения и были зафиксированы в языке. Существенным признаком конца древневерхненемецкого периода является стремление изменить, приспособить систему понятий языческих к системе понятий христианского мировидения, к его культуре, уходящей глубокими корнями в Античность [19. С. 105].

Итак, прагматические особенности современных модальных глаголов (однородность / неоднородность их семантической структуры) можно объяснить, с одной стороны, активным взаимодействием лексической семантики с грамматической (перестройка системы наклонений; употребление глаголов *dürfen*, *mögen*, *müssen* в конце древневерхненемецкого – начале средневерхненемецкого периода в отрицательных конструкциях), с другой стороны, обобщением предмодальной семантики (глаголы *sollen*, *wollen*, *können*) и историко-культурной обусловленностью.

Литература

1. *Жирмунский В.М.* История немецкого языка. М., 1965. 407 с.
2. *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. 479 с.

3. *Казанский Н.Н.* О реконструкции праиндоевропейских глагольных категорий // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании : материалы VII Междунар. науч. конф. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 109–110.

4. *Балакина Т.Н.* Становление модальных глаголов как выразителей внутренней модальности в немецком языке (сопоставительный анализ готского, древне-, средне- и ранненововерхненемецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 23 с.

5. *Duden.* Das Bedeutungswörterbuch / W. Eckey, J. Folz, H. Hartmann. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl, 1993. Bd. 10. 797 s.

6. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch / Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes. 10. überarb. und erw. Aufl. Tübingen : Niemeyer, 2002.

7. *Балакина А.А.* Историческое развитие лексических средств выражения необходимости в немецком языке // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Томск : ТГУ, 2009. С. 12–15.

8. *Etymologisches* Wörterbuch der Deutschen / W. Pfeifer etc. 1–2 Bde. Berlin, 1993. Bd. 1–2.

9. *Дронова Л.П.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.

10. *Балакина А.А.* Формирование семантической структуры глагола müssen в немецком языке // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Томск : ТГУ, 2009. С. 16–19.

11. *Балакина А.А.* Формирование предмодального значения желательности в немецком и английском языках // Лингвистические и культурологические традиции и инновации : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Томск : ТПУ, 2009. С. 38–44.

12. *Балакина А.А.* Лексические средства выражения модальности желательности в немецком языке (сравнительно-исторический аспект) // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Томск : Позитив-НБ, 2009. С. 175–179.

13. *Ваулина С.С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке: XI–XVII вв. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 143 с.

14. *Балакина А.А.* Лексические средства выражения модальности возможности в исторической перспективе // Иностраный язык и межкультурная коммуникация : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Томск : ТГПУ, 2008. С. 5–7.

15. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999. Т. 2.

16. *Bech G.* Grundzüge der semantischen Entwicklungsgeschichte der hochdeutschen Modalverben. Kopenhagen : Munksgaard, 1954. 143 s.

17. *Diewald G.* Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen : Niemeyer, 1999. 464 s.

18. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. 350 с.

19. *Bach A.* История немецкого языка. М., 1956. 343 с.

GERMAN MODAL VERBS: FROM ETYMOLOGY TO PRAGMATICS

Balagina A.A.

Summary. The research describes the role of premodal lexical semantics in grammaticalisation and in forming of the functional-semantic specificity of modal verbs, their cognitive and historical-cultural determination.

Key words: modal verbs; premodal semantics; grammaticalisation.